

достоинства, будетъ поступать такъ, а не иначе уже потому, что ему такъ поступать легче, пріятнѣе, естественнѣе), завершить всестороннее развитіе своей личности черезъ самопознаніе, при которомъ индивидуумъ *приводитъ* себя къ тому, чѣмъ онъ долженъ быть, къ чему родился, при которомъ онъ не дѣлается другимъ, а лишь *самимъ собою*. Въ этомъ, повидимому, крошечномъ счастья, въ этой замѣнѣ состоянія *казаться* (das Scheinen) состояніемъ *быть* (das Sein) заключено, на самомъ дѣлѣ, такъ много, что его, этого счастья, вполне достаточно, чтобы стать достойнымъ вѣнцомъ всѣхъ сдѣланныхъ нами успій, всѣхъ понесенныхъ нами жертвъ! Все тогда возвращается къ намъ вновь,—все, потерянное было въ началѣ, но возвращается уже получившимъ, такъ сказать, высшее освѣщеніе!

Левину Толстаго не удалось вернуться къ простотѣ и безыскусственности непосредственнаго быта «простыхъ рабочихъ людей», невозмущаемыхъ никакими вышними вопросами нашего духовнаго бытія,—но самому Толстому, выстрадавшему вмѣстѣ со своимъ послѣднимъ романомъ и свое этическое перерожденіе,—удалось, въ концѣ концовъ, привести себя къ тому, чѣмъ онъ долженъ былъ быть давно, къ чему родился... Весь смыслъ жизни такихъ натуръ Левинскаго склада съ ихъ болѣе развитою центростремительною, чѣмъ центробѣжною силою сознанія—заключается въ постоянномъ, непреоборимомъ стремленіи ихъ къ личному совершенствованію, но горе ихъ въ томъ, что они страшные эстетика и идеалисты и потому многое изъ окружающаго ихъ готовы принимать за потребный имъ идеаль, тогда какъ онъ—единственный для нихъ и у нихъ же всегда подъ рукою, а они, страдальцы, подобно древнему Улиссу, плаваютъ цѣлыя годы около своей Итаки, не узнавая ея, уносимые вихремъ мірской, свѣтской жизни!